

## КАК ВОЗМОЖЕН САМООБМАН

Статья посвящена исследованию природы самообмана и ряда парадоксов, возникающих при его объяснении. Понятие самообмана дается на основе критического анализа его определений в качестве акта преднамеренной лжи; действия бессознательного вытеснения; экзистенциального проекта «бегства от себя». Самообман трактуется как особая манипуляция в сфере сознания, связанная с его фрагментацией и сокрытием свидетельств радикальной неудачи с целью возобновления позитивного действия. Данная трактовка позволяет раскрыть самообман как одну из культурных способностей человека.

### 1

Вопрос о самообмане содержит в себе одновременно и вызов, и признание. Вызов адресован рефлексивному сознанию относительно его способности, *пребывая* в самообмане, *наблюдать* самообман. Признание состоит в том, что теоретическая мысль еще мало продвинулась в понимании того, как это возможно. Кажущаяся простота (если не банальность) практики самообмана, звучащая в словах классика: «Ах, обмануть меня не трудно! Я сам обманываться рад!», – поразительно контрастирует с логическими затруднениями, которые возникают при попытке прояснить данный феномен. Проект самообмана несет в себе парадоксальность, с которой не может свыкнуться рефлексивная мысль.

Помимо трудностей чисто теоретического характера, о которых речь пойдет ниже, вопрос осложняется инерцией морального сознания, привычно сбивающегося на обличение лжи и монотонное предупреждение о «грехе» и «коварстве» самообмана. С незапамятных времен такие феномены, как ложь, обман и заблуждение, принято осуждать, а не исследовать. Отдельные случаи их легитимации, имевшие место в рамках психоанализа, прагматизма и конвенционализма, в учениях вроде «Философии как если бы» Х.Файхингера или теории социальной презентации И.Гофмана, не отменили морального табу. Так что и сегодня заявлять о лжи и обмане как о важнейших *культурных способностях* человека (хотя бы в смысле некоторого *искусства*), тем более, рассматривать их в качестве конститутивных элементов социальной жизни, значит, выступать в роли адвоката дьявола.

Между тем всепроникающее присутствие лжи в человеческом мире очевидно. Обманывают все (и не только политики). Обманывают довольно часто и особенно часто по безобидным и малозначительным поводам. Можно сказать, что *диффузная ложь*, в которой мы, как правило, не отдаем себе отчета, образует *фоновое состояние сознания*.

---

\* © Разинов Ю.А., 2004

Разинов Юрий Анатольевич – кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета

ния и представляет собой нормальный феномен того, что Хайдеггер называл *Mitsein*. Иными словами, в структурах повседневного мира ложь имеет место не как *аномалия* реальности, а как ее *неочевидная норма*. И если последовать за мыслью Хайдеггера, то обман можно представить как такой экзистенциальный модус Присутствия (*Dasein*), в котором оно «ближайшим образом и большей частью держится» [1. С.117]. Выражение «врешь, как дышишь» указывает на этот повседневный, привычный и вездесущий характер лжи. Даже странно, что в повседневном языковом употреблении до сих пор нет устойчивого оборота с безличной формой глагола «врать», по примеру того, как мы говорим «вечереет», «смеркается», «слышится». А как бы выразительно могло звучать: *мне сегодня как-то особенно легко дышится, пишется и вретя...*

Выступить в роли «адвоката дьявола» в рассматриваемом вопросе, значит, объяснить, как такие «безнравственные» вещи, как и обман, и самообман, сопряжены с истиной, значит, подступить к неявной истине их самих. Успешным примером такой «защиты» может служить оригинальная работа А.Секацкого, в которой автор недвусмысленно дает понять, что «настоящая культурность предлагает владение всем спектром модусов лжи» [3. С.29]. В развитой культуре обмана, где репрессируются лишь низкие и грубые формы лжи (в то время как сложные и утонченные формы легитимируются), у человека вырабатывается культурный иммунитет к обману, жизненно важный антивирус недоверия, ментальная техника безопасности. Напротив, необработанное ложью сознание есть, по существу, инфантильное, неразвитое сознание. Уже у Гегеля неспособность к обману, к его восприятию, оценке и ревизии расценивалась как признак духовной неразвитости, косности и даже глупости духа. Неискушенное во лжи сознание не способно к распознаванию обмана и, как следствие, беспомощно перед угрозой тотальной экспансии лжи. Напротив, человек с развитым «ложь-сознанием» (термин А.Секацкого) чувствует себя в мареве обмана, как рыба в воде. Обладая устойчивым иммунитетом, он вдыхает ложь как воздух без опасения отравиться ее ядовитыми испражнениями.

Поддерживая данную точку зрения и разделяя интерес к выявлению различных видов и градаций обмана, остановимся на такой его разновидности, как самообман.

## 2

Самообман есть частный случай обмана вообще, в котором, однако, существенно меняются его условия как некой стратегии или проекта сознания. Самообман осуществляется *не* тем же способом, что обман другого сознания. Вместе с тем понятие самообмана находится в зависимости от того, как понимается обман вообще.

Расхожее определение обмана можно свести к следующему: это целенаправленное воздействие одного субъекта на другой путем неадекватной репрезентации некоторой значимой для него действительности. Если свести последнее к понятию лжи, то кратким эпистемологическим определением обмана будет *преднамеренное высказывание лжи*. Такое формальное определение поддерживает представление о том, что обнаружение обмана и его последующая дискредитация должны осуществляться путем поиска и предъявления истины, как того, что противоположно лжи. *Лишь знающий истину узнат обман*. Это, казалось бы, бесспорное утверждение является причиной весьма поверхностного взгляда на природу обмана, который не проникает сферу практической деятельности, где «живет» обман и где актуально сопротивление обману. Для такого заключения есть, по крайней мере, два основания.

Первым является факт того, что разыскание истины – процесс длительный, связанный с большими трудностями, требующий высокого напряжения сил и колоссальной самоотдачи. Напротив, акт ее искажения – вещь относительно простая: в отличие от истины, ложь быстро и легко находит себе место и применение в социальных порядках. Пока кто-то разыщет истину и вынесет разоблачение лжи, обман сотню раз проделает свою «черную» работу, найдет приверженцев и продолжателей своего дела.

Вторым основанием является то, что обман может осуществляться и путем формально правдивого высказывания, путем прямой манифестации истин. Примером такого обмана может служить диалог супругов, один из которых (предположим, это муж) собирается на встречу с любовницей. На вопрос «ты куда собрался?» жена может получить формально правдивый (хотя и квазиискренний) ответ – «к любовнице!». В культуре, где обман является скрытой нормой, а истина в ее непосредственной форме высказывается крайне редко, где она, напротив, завоевывается с большим трудом и устанавливается в процедурах сопротивления лжи, столь прямое утверждение с необходимостью порождает обратный эффект недоверия. Как заметил С.Жижек, «в мире, где все разыскивают истину под скрывающей ее маской, лучший способ ее спрятать – это надеть маску самой истины» [2. С.49]. На этом, собственно, и основана уловка обманщика: *чтобы обмануть, он должен сказать правду*. В итоге жена не верит, а муж, удовлетворенный исходом дела, идет к любовнице, обеспечив себе двойное алиби как со стороны предполагаемых подозрений жены, так и со стороны возможных обвинений в обмане.

Сделанное наблюдение заставляет задуматься о природе симметричных ситуаций, когда для того, *чтобы высказать правду, необходимо солгать*. Жижек приводит забавную шутку Фрейда, в которой еврей упрекает своего друга: «Зачем ты говоришь, что собираешься в Краков, а не в Лемберг, если ты действительно едешь в Краков?». Жижек так комментирует эту ситуацию: «Сказать правду – означает нарушить имплицитный код обмана, которому подчинены их отношения: когда один из них собирается в Краков, он должен соврать, что направляется в Лемберг, и наоборот» [2. С.198]. В нашем примере с супругами нарушение неписанных правил обмена ложью может активировать внутреннюю систему безопасности, запустив следующий сценарий сопротивления: «Почему он сказал, что идет к любовнице, если я и так знаю, что у него есть любовница. Вот если бы он сказал, что идет к приятелю, то я могла бы быть уверена, что он проводит время с этой крашеной куклой. А так черт знает, что и подумать! Нет, что-то здесь неспроста! Уж не задумал ли он что-нибудь особенное?...» (вроде того, что учудил Ильич в известном анекдоте, когда залез на чердак и давай ...учиться, учиться и учиться). Короче говоря, в коммуникативном пространстве, где ложь обложена многочисленными заслонами всевозможных контролирующих инстанций, неизбежно возникают трудности с декларацией правдивых намерений. Известно, что в период застоя плановой экономики перевыполнение плана более чем на пресловутые 105% неизбежно вело к повышению норм выработки, поскольку контролирующие органы считали такое повышение следствием обмана, состоящего в преднамеренном занижении этих норм на предприятиях. Точно так же в реалиях нашего времени достаточно указать в налоговой декларации истинные размеры прибыли (при условии, что она достаточно велика), чтобы оказаться в зоне повышенного внимания налоговых служб. «Что-то здесь не то, – подумает экономически оформленное ложь-сознание, – если есть прибыль, то наверняка имеет место и сокрытие сверхприбыли». Предвидя подобное сопротивление истине, *априори* маркированной в качестве возможного прибежища обмана, человек с развитым ложь-сознанием пускается в сложное, подчас

авантюрное, предприятие по доводке до общественного мнения того, что оно впоследствии, возможно, и воспримет в качестве истины. Чтобы играть в «команде» Бога, приходится временами выступать на стороне дьявола. Вспомним, что именно таким образом за «сборную» Бога сыграли Кьеркегор и Шестов, Ницше и Батай.

Все дело в том, что в культуре сложно артикулированной лжи обман предполагается в качестве *априорной структуры*. Наличием этой структуры обусловлены многие ценности европейской культуры: ценность приватного пространства, суверенитета личности, частной жизни. Недремлющее «чувство» обмана, доходящее, как у Декарта, до радикальных предположений о возможности вселенской лжи, а также встроенное в сознание особое противообманное устройство, этакая «машинка» по распознаванию лжи являются необходимым условием внутреннего суверенитета личности. Это хорошо показал А. Секацкий, подчеркивая, что обман и сопротивление обману являются онтологическим условием реальности *Я* [4]. Напомним, что посредством сопротивления, а именно в интеллектуальном поединке с богом-обманщиком, появляется на свет картезианский мыслящий субъект: *меня обманывают, следовательно, я существую*.

Так вот, если понимать универсализацию обмана и сопротивление обману как такие упражнения, через которые развивается мускулатура мышления, формируется способность ограничивать приватное пространство жизни, то становится понятным, почему либеральное сообщество постоянно порождает различные модусы и фигуры лжи. Обман здесь почти легально распространяется как гомеопатическое средство, которое при правильной дозировке вырабатывает иммунитет ко лжи. И главной причиной такой легализации является то, что ложь – это форма проявления человеческой свободы. Поэтому свободное общество по необходимости производит субъектов, способных ко лжи. Вместе с тем оно вырабатывает у них привычку не доверять легковесным претензиям и монопольным правам на истину. Это недоверие является следствием «печального» опыта того, что под маской истины чаще всего скрывается ложь, и что большинство морализирующих поборников истины на деле оказываются мошенниками.

Определение лжи в качестве действия *свободного* сознания ставит ее в иное отношение к истине. Ложь не может быть сведена целиком к акту фальсификации истины, так же как и истина не может быть понята в качестве того, благодаря чему ложь полностью теряет свою онтологическую опору. Ложь не есть кривое зеркало для истины. *Кривда* не противоположна *правде* в смысле ее искажения, как это кажется в силу естественной привычки языка. Если предположить за ложью ее *собственное онтологическое основание*, то понятие лжи нельзя свести к *неадекватному отображению действительности*. Если это так и если ложь не является искривлением действительности, то тогда знание истины не должно быть обязательным условием обнаружения лжи. Напротив, истина сама *выводится* на свет в актах опознания и фальсификации лжи, то есть сознание, сопротивляющееся лжи, не оперирует заранее данной истиной, а предполагает ее как возможный исход борьбы. Это значит, что ложь определяется независимо от истины и обнаруживается только внутри акта сопротивления ей, где она и оказывается чем-то противоположным истине. Именно через такое сопротивление ложь «впервые, как это ни парадоксально, получает свое привычное имя, на которое она откликается в стихии языка» [3. С.118].

Все это говорит о том, что у лжи в бытии должно быть свое собственное *место*, в противном случае – это поверхностный феномен, неподдающийся *онтологическому обоснованию*. С этой точки зрения интересна мысль А. Секацкого о том, что место присутствия лжи – это место, *недоступное божественному взгляду*. Это область, где сосредоточен *излишек бытия*. Для демонстрации этой мысли возьмем на вооружение

компьютерную терминологию. Область сосредоточения лжи можно представить в виде *неотформатированного*, а потому *несчитываемого* Богом пространства или файловой системы, построенной на иных принципах. Способность «заглядывать» в это пространство и «считывать» находящуюся в нем информацию и будет способностью ко лжи. Бог не способен на такое заглядывание, так как и мир творится им без оглядки. Известное размышление Декарта о том, что Бог *по своей природе* не может быть обманщиком, в новой интерпретации следует понимать так, что сознание Бога не обладает модусом лжи, т.е. не является ложь-сознанием. Таким сознанием обладает только человек. Только его соприкоснувшееся с излишком бытия сознание способно функционировать в «программной оболочке» Бога, подобно резидентному вирусу, не только оказывая существенное воздействие на среду, но и меняя способ своего функционирования в ней.

Принимая в расчет предложенное А.Секацким *видеологическое* определение лжи, можно утверждать, что сущностью обмана является не ложная репрезентация чего-либо, а *искажение* – особый способ визуализации того, что невидимо, неочевидно. *Обман – это манипуляция в сфере видимого на основе укрытия чего-либо в сфере невидимого*. Иными словами, в обмане не просто что-то скрывается, а само сокрытие осуществляется путем *придания вида*, путем *показа*, существом которого является *искажение*. Как отмечал Хайдеггер, «обманывать в смысле *скрывать*» означает «выставить что перед чем (по способу давания видеть) и тем самым выдать это за что-то, что оно не есть» [1. С.33]. Данное свойство обмана, возможно, приблизит нас к ответу на вопрос, как возможен самообман.

### 3

Кажущийся разумеющимся ответ: самообман – это тот же обман, но только в отношении себя, – неоправданно упрощает суть дела. Самообман не просто наиболее тонкая и изощренная форма обмана: как действие сознания в отношении *себя* самообман *несимметричен* обману как воздействию на *другое* сознание. Данная асимметрия выражается в том, что, во-первых, обмануть свое собственное сознание в определенном смысле труднее, нежели сознание другого (для этого требуются какие-то дополнительные условия), а во-вторых, следует признать, что в отношении обмана и самообмана существует неравенство предпочтений: *обманывать* себя (равно как и других) предпочтительнее, нежели *быть обманутым*. В ситуации «либо вы, либо вас» нейтральные по отношению друг к другу аристотелевские модусы *действия* и *претерпевания* переподчиняются в пользу первого. В свете известного противопоставления *господина* и *раба* становится ясно, почему в гегелевской «канцелярии» мирового духа предпочтение отдается активной позиции в обмане. Способность к обману как *приращению реальности* является отличительной чертой господина, а не раба. Речь, разумеется, идет не об эмпирических фигурах раба и господина, поскольку и тот, и другой могут иметь различную способность ко лжи. Речь идет об абстракциях, с помощью которых Гегель выражает различные модальности духа. Эмпирический раб вполне может быть носителем ложь-сознания, но обладание им уже несет в себе скрытую угрозу господину, ставит под вопрос его господство. Внешнее подчинение иногда является формой тайного протеста, формой проявления внутренней свободы. Именно поэтому наиболее опасной для господина является ложь его раба относительно своей рабской пре-

данности. Под маской раба (с фигой в кармане) раб может стать господином своего господина, «ибо то, что делает раб, есть, собственно, делание господина» [5. С.104]. Поэтому идеальным рабом всегда считался раб, лишенный приватности духа и целиком сведенный к своей телесности как артикулированности вовне.

Но вернемся к самообману. Для того чтобы объяснить самообман, необходимо ответить на вопрос, каким образом сознание преодолевает такую существенную преграду, как афтореферентность и привилегированный доступ к себе. Иначе говоря, одно из важнейших условий обмана, состоящее в том, что его замысел должен быть скрыт от его «жертвы», в случае самообмана не выполняется или выполняется как-то иначе, что и предстоит выяснить. Проблема с очевидностью упирается в то, что обманываемый и обманщик в данном случае должны совпадать в одном субъекте. Это создает парадоксы, природу которых исследовал Ж.-П. Сартр. Так, в одной из глав «Бытия и Ничто», которая в русском издании переведена как «Самообман», Сартр ставит три вопроса: как возможен самообман, каким должно быть сознание самообмана и что последний раскрывает в человеческом бытии? Анализ этих вопросов заслуживает особого внимания. Но прежде следует сказать о наличии одной терминологической проблемы, на которую указывает русский переводчик Сартра В. Колядко [6. С.7–8]. Речь идет об адекватности перевода сартровского термина *mauvais foi* словом «самообман». В своем предисловии к «Бытию и Ничто» В. Колядко не останавливается на этом подробно, между тем необходимое терминологическое разъяснение может существенно повлиять на ход последующих рассуждений о природе рассматриваемого феномена.

Дело в том, что во французском языке нет языковой «кальки», соответствующей русскому слову «самообман», в отличие от английского, где существует аналогичное слово *self-deception*. Выражение *se faire des illusions*, которое обычно переводят как «самообманываться», имеет другой смысл. Иллюзия – не самообман; обманывать себя – не то же, что впадать в иллюзию. Последнее есть непреднамеренный, и даже *бессознательный* акт, что явно противоречит данному выше определению обмана как *сознательной манипуляции* в сфере видимого на основе укрытия чего-либо в сфере невидимого. Так что отождествление самообмана с актом впадения в иллюзию ведет к неоправданному смешению двух различных феноменов. В этой связи обратим внимание на то, что Сартр подчеркнуто дистанцируется от термина «иллюзия» (*illusion*), используя выражение *mauvais foi*, что буквально означает «дурная вера» или «плохая вера».

Формально лексическое значение этого термина противоположно выражению *bonne foi*, которое обычно переводится как «добросовестность». Однако вводимое Сартром понятие лишено какой-либо этической подоплеку и соответственно не может быть понято как «недобросовестность». Буквальный перевод *mauvais foi* в термины «дурная вера» также искажает суть дела, поскольку не ясно, как вера может быть хорошей или плохой. Такой перевод неудобен хотя бы потому, что по ходу рассуждения Сартр включает в определение самообмана еще и понятие *веры*, вводя такой термин, как «вера самообмана». К тому же данный перевод содержит слишком явный и, по всей видимости, излишний для Сартра морально-ригористический оттенок. В этом отношении используемые В. Колядко «нейтральные» термины «самообман» и «непреднамеренный самообман» гораздо лучше передают смысл того, что имел в виду Сартр. Однако и они имеют погрешность, привносимую местоименным корнем «сам». Входя в состав таких слов, как «самосознание», «самообразование», «самообман», возвратное местоимение «сам» придает им статус рефлексивных понятий, чего лишено французское выражение *mauvais foi*. Добавление же слова «непреднамеренный» хотя отчасти и приглушает оттенок рефлексивности, скорее всего не улавливает той меры не-

посредственности, которая заключена во французском выражении *mauvais foi*. Слово «непреднамеренный» концептуализирует его, так сказать, «раньше времени», а в отдельных случаях и вовсе мешает, в особенности, когда французский философ говорит о *намерении* к самообману. Но главное, пожалуй, состоит в том, что термин «самообман» не схватывает ведущую для Сартра тему *неподлинного* бытия, которая скорее улавливается в выражениях «неискренность» или «дурная вера».

После данных разъяснений следует согласиться с переводом В.Колядко и рассмотреть позицию Сартра в отношении самообмана.

#### 4

Сартр начинает с расхожего определения самообмана как *лжи самому себе*. При этом он приравнивает ложь к сокрытию истины: «Сущность лжи предполагает, в действительности, что обманывающий полностью владеет истиной, которую он скрывает. Не лгут о том, чего не знают, не лгут, когда распространяют заблуждение, которым сами одурачены, не лгут, когда ошибаются. Идеалом обманщика было бы поэтому циничное сознание, утверждающее в себе истину, отрицающее ее в своих словах и отрицающее для себя это отрицание» [6. С.83]. Природа лжи в данной трактовке такова, что она требует от обманщика, во-первых, различать истину и ложь, во-вторых, отчетливо сознавать факт обмана, в-третьих, умело скрывать этот факт от обманываемого.

Самообман, по видимости, имеет структуру лжи, но при этом ни одно из указанных условий не соблюдается (или же соблюдается не в полной мере). Прежде всего, это относится к возможности сознания скрывать от себя интенцию собственного обмана. Дело в том, что проект самообмана не может опереться на ту онтологическую двойственность сознания, которая служит основанием обмана как такового. В основе последнего лежит элементарное предположение того, что *мое* сознание не доступно сознанию *другого* в той мере, в какой оно доступно *мне*. Оно никогда полностью не артикулировано вовне. В нем всегда присутствует приватный, потайной, ведомый лишь мне уголок. Это место и есть прибежище лжи. «Посредством лжи, – пишет Сартр, – сознание утверждает, что оно по природе существует как скрытое от других; оно использует к своей выгоде онтологическую двойственность *Я* и *Я* других». Проект самообмана, напротив, предполагает единство одного сознания; обманываемый и обманщик должны совпадать в одном лице. Именно это и является источником парадокса, который можно сформулировать по аналогии с известным *парадоксом лжеца*: обманывает ли себя сознание, если оно знает, что обманывает?

Парадокс кажется неразрешимым. В самом деле, как сознание может принять в расчет свою собственную ложь? Как оно может в рамках одного и того же проекта (действия) и обманывать, и быть обманутым? В силу того, что ложь-сознание прозрачно для себя, самообман разрушается в своем собственном проекте. «В самом деле, – пишет Сартр, – нельзя не согласиться с тем, что если я попытаюсь свободно и цинично лгать себе, я полностью потерплю неудачу в этом деле, ибо ложь отступает и обрушивается под взглядом» [6. С.84]. Таким образом, заключает он, в случае самообмана мы имеем дело с «метастабильным» и «исчезающим феноменом», который в то же время представляет собой относительно устойчивую форму существования большого числа людей, образует «постоянный и особый стиль жизни». Вот и получается, что мы не можем «ни понять, ни отбросить самообман» [6. С.84–85].

Данное затруднение является следствием чисто формального подхода к самообману, внутри которого он односложно определен как ложь самому себе. Такое определение, как уже говорилось, требует ясного и четкого разведения истины и лжи, а также постоянного разделения позиций *обманывающего* и *обманываемого Я*, данных в единстве одного сознания. Но это возможно лишь в структуре *рефлексивного cogito*. В самообмане как *действии* такого различения нет. Оно возникает лишь вместе с *понятием* самообмана. Перенос же понятие на действие, мы ставим сознание в положение *буриданова осла* с той разницей, что последний в своей нерешительности не может сдвинуться с места, в то время как сознание самообмана, наоборот, вынуждено метаться между двумя своими проекциями *обманутого* и *обманщика*, «подбирая» одну, но при этом «роняя» другую. Конечно, в практическом самообмане (самообмане как *действии*) тоже имеют место всевозможные колебания, но они, как правило, заканчиваются определенным «выбором». Маятник колебаний рано или поздно, точнее, время от времени останавливается, зависая в «мертвой» точке. Проект самообмана либо выполняется и, как следствие, «выгружается» из «оперативной памяти», либо остается сожалеть о том, что (в очередной раз) не удалось прорваться сквозь заградительные барьеры рефлексивного *cogito*. Внутри последнего же самообман становится «дурным» действием, обреченным на бесконечную процедуру постановки «в очередь», задержки и откладывания. Здесь ложь-сознание вступает в противоборство с собой, постольку и его отрицание направлено на самое себя.

Из сказанного следует: если самообман возможен (а в этом не приходится сомневаться), то он не может быть сведен к понятию лжи себе в смысле ясного представления совершаемого действия, четкого различения лжи и истины, а также интенций «обманывать» и «быть обманутым». Самообман, по-видимому, не знает очевидности. Его стихия – туман. Его намерения расплывчаты. Он подобен замуриванию глаз и действию на ощупь. Если обман похож на игру *в прятки*, то самообман – это игра *в жмурки*. Аналогом такой игры может служить способ взаимодействия с собственным сознанием, описанный в романе «Унесенные ветром». Слова Скарлетт «я не буду думать об этом сегодня, я подумаю об этом завтра!», рефреном проходящие через весь сюжет, являют нам чистый пример самообмана. При помощи такой незамысловатой «команды» в критические моменты своей жизни героиня романа пытается блокировать работу своего оценочно-расчетливого мышления, перевести его, так сказать, в «спящий режим», чтобы иметь возможность (наконец-то!) целиком предаться нахлынувшим на нее чувствам. Однако, совершив на следующий день «перезагрузку» и вновь запустив калькулятор мышления, Скарлетт дает нам понять, что во всем необходимы порядок и последовательность, ведь только очень нетерпеливый «пользователь» может, поставив в очередь сразу два задания, ждать их одномоментного выполнения.

Итак, если самообман не объясним как проект рефлексивного сознания, то что может дать анализ *дорефлексивного cogito*? За ответом вернемся к Сартру.

Описав парадоксальность *понятия* самообмана, связанную с его определением в качестве лжи самому себе, Сартр переходит к анализу «*действия* из самообмана», попутно бросая упрек в адрес психоанализа. Сартр утверждает, что разработанная Фрейдом теория вытеснения, цензуры и бессознательного не объясняет природу данного феномена. Она описывает не то, как человек *себя обманывает*, а то, как он *обманывается* (в смысле становится обманутым). Эта теория, считает Сартр, «подставляет в идею самообмана обман без обманщика» [6. С.86]. В роли последнего здесь оказывается не «Я», а «Оно» (инстинкты и бессознательные комплексы). Во взаимодействии же этих двух психических инстанций, как мы знаем, существует определенная после-

довательность, выраженная в известной формуле Фрейда: *там, где было «Оно», должно стать «Я»*. Это значит, что сознание поочередно находится либо в пассивном положении *бытия обманутым*, либо в активной позиции *преодоления обмана* посредством психоаналитической процедуры. Оно никогда не оказывается в двух фазах одновременно, чего требует идея самообмана. Основной недостаток фрейдистского учения Сартр находит в том, что, заменив двойственность обманщика и обманываемого двойственностью «Я» и «Оно», Фрейд упустил двойственную активность сознания и сущность самой рефлексивной идеи «скрыть от себя» [6. С.88]. Разорвав психическое единство сознания на два пласта, психоанализ разрушил феноменологическую основу самообмана, проект которого не может быть осуществлен вне этого единства.

Из рассуждения Сартра следует, что самообман «живет» не где-то в глубоких «подвалах» бессознательного, а, скорее, на «чердаке» сознания. Заметим, что такой видный теоретик французской школы психоанализа, как Ж.Лакан, будет трактовать учение Фрейда о бессознательном совершенно иначе, считая, что бессознательное представлено не глубоко скрытыми, полуфизиологическими комплексами, как полагали многие критики фрейдизма, а выходящими на поверхность речи вытесненными означающими [7]. Так или иначе, но в данном случае для нас важнее то, что самообман в понимании Сартра – это в определенном смысле *сознательный* проект. В силу данного обстоятельства для объяснения самообмана лучше подходит не теория бессознательных актов, а представление о механизме *активной* амнезии по принципу Скарлетт: *я не буду думать об этом сегодня, я подумаю об этом завтра*.

Другим не менее ярким примером такого искусственного (то есть преднамеренного) «забывания» может служить любопытная запись в дневнике Канта, сделанная по случаю смерти его любимого слуги Фридриха. Кант написал: «Забыть Фридриха!». Это в высшей степени парадоксально, когда *вычеркивание из памяти* осуществляется путем *записывания на память* [8]. Такое сознательное забывание можно понять как перемещение травмирующего элемента сознания из зоны ясного зрения в область оптической плотности, где оно удерживается на кончике сознательной воли: *как если бы забыл*. Но если природа самообмана действительно состоит не в бессознательном вытеснении, а каком-то более тонком механизме контролируемой расфокусировки сознания, то вновь возникает вопрос: как это возможно?

Тут самое время вновь напомнить о Сартре, у которого роль такого механизма выполняет *вера*. Истинная проблема самообмана, считает французский философ, состоит не в том, что он является циничной ложью, которая имеет дело с чем-то совершенно *очевидным*, а в том, что он по необходимости оказывается *верой*. Вера же есть способ взаимодействия с *неочевидными* объектами, есть акт, *опережающий* их рефлексивную достоверность. Самообман является верой в том смысле, в каком сознание стремится установить согласие между своим бытием (как бытием-в-себе) и тем, чем оно является *для-себя*. Вера является проблемой именно потому, что в ней человек решает-ся на то, чем он в определенном смысле не является. Вместе с тем сама эта решимость – свидетельство того, что он уже не есть то, чем он являлся ранее. «Ах! Я и в самом деле хороша!» – говорит себе женщина, всматриваясь в свое зеркальное отражение, которое еще несколько минут назад казалось ей настолько непривлекательным, насколько это сумел скрыть наложенный на лицо грим. Условием самообмана, таким образом, является сама *человеческая реальность*, которая в своем непосредственном бытии, как любит повторять Сартр, «есть то, чем она не является, и не есть то, чем она является» [6. С.101].

Однако произведенная Сартром замена предикатов – вера вместо лжи – не делает понятие самообмана менее противоречивым, ибо противоречие заключено в самой

сущности веры. Желание верить предполагает (еще) неверие, так же как сознательное убеждение в том, что веришь, означает (уже) неверие. Сартр, таким образом, фиксирует еще один парадокс, который состоит в том, что *сознание не верит в то, во что оно верит*. «...Вера есть бытие, которое ставится под вопрос в своем бытии и может реализоваться только в своем разрушении, может обнаружиться, только отрицая себя; это бытие, для которого быть – значит появляться, а появляться – значит отрицаться. Верить – значит не верить. <...> Всякая вера не является достаточной верой, никогда не верят тому, чему верят» [6. С.103].

Формулируя парадокс веры, Сартр тонко подмечает один едва заметный нюанс: вера самообмана пытается преодолеть то, чего она в действительности преодолевать не хочет, в чем она оказывается непоследовательна и шатка. Если бы в своем бытии человек мог легко становиться тем, чем он не является, и не быть тем, чем он является, иначе говоря, если бы он мог бескомпромиссно принимать в расчет свою чистую негативность (свое небытие), то не было бы никакой нужды в вере. Потребность в ней возникает из-за тревоги и неуверенности, вызванной раздвоенностью, распадом внутри бытия и постоянным присутствием Ничто в человеческой реальности. Самообман есть стремление избежать в *моем* бытии *своего* бытия, которое в определенном смысле есть Ничто. Иначе говоря, в самообмане сознание хочет быть тем, чем не является, *чтобы им не быть*. Это значит, что именно таким бегством от реальности *в-себе* самообман и хочет быть. Поэтому, решаясь на что-то неопределенное, вера самообмана не верит в то, на что она решается, но при этом она отрицает еще и собственное неверие. Таким образом, эта вера разрушает саму себя в своем собственном проекте. Именно в этом смысле самообман и является «дурной», то есть плохо убежденной, верой.

Самообману как непосредственному акту, вытекающему из указанной онтологической двойственности человека, Сартр противопоставляет *искренность*, или *правдивость*. Однако речь не идет о каком-то иерархическом соотношении, в смысле того, что искренность выше самообмана. Напротив, Сартр подчеркивает их симметричность. И то и другое есть различные модусы непосредственного отношения дорефлексивного сознания к бытию *в-себе*. В самообмане человек является себе тем, кем он в действительности *не является*, в искренности же, напротив, он стремится представиться тем, кем он *является* на самом деле. Но и в том и в другом случае это делается лишь для того, *чтобы им не быть*. В этой связи Сартр пишет, что «структура искренности не отличается от структуры самообмана, поскольку искренний человек конституируется как то, что он есть, *чтобы им не быть*» [6. С.99]. Из этого легко сделать вывод: чтобы достигнуть точки абсолютной искренности, необходимо впасть в самообман: *я буду искренним, как если бы я им уже был*.

Таким образом, и искренность и самообман образуют зеркальные полюса *бегства* по отношению к тому, что Сартр именует «*в-себе*»: «Правдивость стремится бежать от глубокого распада моего бытия к состоянию в-себе, которым она должна быть и совсем не является им. Самообман стремится бежать от состояния в-себе к глубокому распаду моего бытия» [6. С.104]. И тем и другим движет один и тот же мотив – совпасть с бытием, с которым не совпадаешь, – двусмысленный мотив перехода от одного бытия к другому на основе преднамеренного недостижения цели. Речь, конечно, не идет о том, что Сартр мог бы назвать *подлинной искренностью*, поскольку искренность возможна не только в смысле самообмана. Однако такая искренность возможна лишь в структуре рефлексивного сознания. Что же касается самообмана, то, поскольку он является проектом дорефлексивного *cogito*, постольку он обречен на статус *неподлинного бытия*. В этом смысле Сартр и заключает в финальной части своего рассуждения:

«Если самообман возможен, то именно он является непосредственной и постоянной угрозой всякого проекта человеческого бытия; это значит, что сознание скрывает в своем бытии постоянный риск самообмана» [6. С.104].

## 5

С этим трудно поспорить. Тем более, что сказанное Сартром – это, пожалуй, лучшее из того, что написано о самообмане. Между тем смущает чересчур одностороннее движение мысли по «заданным линиям». Если судить о проблеме в целом, то феномен самообмана описан французским философом в рамках довольно жестких оппозиций: *рефлексивного* и *дорефлексивного cogito*, с одной стороны, и *подлинного* и *неподлинного* бытия, с другой. Анализ же проблемы в этих рамках чреват не только ее упрощением, но и набившим оскомину определением самообмана как патологического или в определенном смысле порочного и недостойного действия.

Жесткая оппозиция рефлексивного и дорефлексивного *cogito* имеет следствием то, что, говоря о самообмане как проекте сознания, Сартр по сути ничего не говорит о специфике самого *сознания* в этом проекте. В качестве *дорефлексивного* сознание оказывается в состоянии «дурной» или неверящей веры, о двусмысленности которой само оно ничего знать не хочет. В качестве же *рефлексивного* оно встречается со своим неверием лицом к лицу и потому должно отринуть себя как сознание-пребывающее-в-вере. Получается, что дорефлексивное сознание-вера – это дурное, шаткое, не входящее в суть дела и не достигающее ясности сознание. В этом смысле оно как бы еще не в полном смысле сознание. Оно *в себе*, но не *для себя*. Возможно, именно поэтому Сартр говорит, что самообман не является *состоянием* сознания [6. С.84], то есть в самообмане сознание не может «стоять», поскольку проект самообмана разрушается сам в себе. Такое «не вполне» сознание больше похоже на сон, о чем Сартр не забывает сказать: «Начинают самообман, как засыпают, пребывают в самообмане, как во сне» [6. С.102]. Одним словом, Сартр понимает самообман весьма традиционно – в смысле некоего противоположного бодрствованию сомнамбулического состояния, в котором происходят экранирование и забвение реальности и которое не есть состояние *сознания*. Неужели в таком же состоянии пребывал Кант, написавший фразу «забыть Фридриха»?

Очевидно, что, отказывая самообману в статусе состояния сознания, Сартр заметно сузил спектр характеристик и поле самого сознания. По существу, оно сведено к двум модальностям – рефлексивного и дорефлексивного *cogito*. В этом отношении сартровская феноменология является наследницей европейской традиции резких переходов – от сознательного к бессознательному, от истины к заблуждению, от сна к бодрствованию, от призрачности к яви. Между тем нарастающий интерес западных ученых к проблематике так называемых *измененных состояний сознания* (ИСС) и результаты многочисленных психологических и этнографических исследований свидетельствуют в пользу того, что между этими крайними формами существует множество других, которые только с учетом существующей традиции можно было бы назвать «переходными». Дело в том, что в разных культурах существуют свои представления о сознании, о природе сна и бодрствования и о критериях реальности. Соответственно, каждая из них может иметь собственный формат «переходных» форм. Как сообщает Ч.Трат со ссылкой на Ф.Шпигельберга, в санскрите существует более двадцати су-

ществительных, с помощью которых обозначается сознание, в то время как вся картина психической жизни западного человека сводится к набору из пяти элементов: сознание, транс, гипноз, сон, экстаз [9. С.8]. К тому же существует большой вопрос, что и в каком смысле можно считать сознанием в сугубо европейском значении этого слова. Об узости традиционного представления о границах сознания свидетельствует не только неготовность современной науки к адекватному и оперативному решению множества вопросов, поставленных перед западным обществом «психоделической революцией», но и неспособность многих адептов классической рациональности к восприятию перестроечных процессов, происходящих в недрах самой этой рациональности. Те же, для кого «постмодернизм» – все еще ругательное словечко, рискуют проспять не только закат постмодернизма как мыслительной эпохи, но и ее инерционные эффекты в наступившем времени *пост-пост*.

Если принять в расчет идею множественности форм или состояний сознания, учитывая при этом отсутствие серьезного теоретического обоснования самой этой идеи, то решение вопроса о том, как возможен самообман, возможно, придется отложить на неопределенный срок. Но делать это следует, лишь исчерпав возможности существующих идей. В этой связи вторая линия движения сартровской мысли, заданная оппозицией подлинного–неподлинного, также требует критического комментария, ибо слишком тяжела печать «подлинного» и «неподлинного», наложенная на бытие. Его тяжесть подобна упреку, звучащему из уст Андрея Рублева в одноименном фильме А.Тарковского. В одном из эпизодов фильма между Андреем и женщиной-вакханкой, предлагающей заняться любовью, происходит такой разговор. «Ваша любовь скотская, постыдная!» – говорит Андрей. «Ну и что? Ведь любовь же!» – отвечает женщина, а Андрей не находит слов для возражения. Достаточно произвести простую замену терминов, чтобы почувствовать ту поспешность, с какой выносятся определения бытия. А сумели бы мы так же легко, как выносятся приговор «неподлинности», предложить рецепт подлинного бытия? Что, если на брошенный упрек – «вам только кажется, что вы ведете подлинную жизнь, ваше бытие лежит в самообмане!» – мы получили бы тот же ответ: «Ну и что? Ведь бытие же! Вы ведь сами назвали это бытием».

Проблема, очевидно, в том, что, оперируя терминами «подлинного» и «неподлинного», трудно отделить саму *подлинность* (реальность) от ее символической оболочки. В этом вопросе полезнее молчать, ибо, чтобы об этом говорить, необходимо находиться при *истине*, а истина чаще всего оказывается недоступной. Нужно уметь слышать «зов Бытия» и при этом не перепутать его с идущим из реальности *Mitsein* запросом *других*. Для этого нужно, как сказал бы Ницше, «жить на вершинах гор», чтобы спутанные голоса «слишком человеческих» позывов не звенели в ушах. Однако между горными вершинами, на которые способно взлететь решившееся на «самую свою возможность» *Dasein*, и глубокими ущельями, в которые оно всякий раз готово свалиться «прочь от себя» (взлет и падение – любимые темы экзистенциализма), существует разнообразный и многосложный ландшафт. Очевидно, что на этом ландшафте можно прочертить разные уровни «падения» и «взлета». Если усматривать в самообмане не просто экзистенциальный промах, как это было свойственно Хайдеггеру, или провал экзистенциального проекта подлинного бытия, как полагал Сартр, а еще и находить ускользнувшую от внимания обоих хитрость, подобную той, которую Гегель усмотрел в действии мирового духа, а Бодрийяр мог бы связать со стихией соблазна, то искомую «правду» самообмана можно было бы предъявить.

## 6

Для этого необходимо вернуться к данному выше *видеологическому* определению обмана, который, напомним, определялся как *манипуляция в сфере видимого на основе укрытия чего-либо в сфере невидимого*. Примером такой манипуляции может служить сказка Андерсена «Голый король». Роль невидимого объекта в сказке играет сфальсифицированный наряд короля. Роль видимого – сам король в своей непристойной наготе. За операцию укрытия очевидного (срамного) в сфере неочевидного отвечает ложь-сознание его подданных. Именно их способность ко лжи спутывает члены оппозиции *видимое-невидимое*, когда поданные в полном соответствии с тезисом Маркса о том, что «короля придворные играют», устраивают перед королем спектакль, демонстрируя свою преданность и послушание. То, что король одет, не видит только необработанное ложью сознание ребенка (фигура наивного неразвитого сознания). Неспособное ко лжи, оно не способно и к самообману. Способность же подданных короля не видеть его наготы, говорит о том, что они не столько обманывают его (хотя это тоже имеет место), сколько обманываются сами. Мораль сей басни в ее привычной интерпретации такова: непосредственное детское восклицание: «А король-то голый!» – торжественно разоблачает обман и изгоняет ложь, словно бы подтверждая старинное представление о том, что «устаи младенца глаголет истина». Однако не все так просто. Стоит понизить «градус» данного «открытия» и обратить свой взор на структуры повседневности, как мы увидим, с какой непосредственностью и последовательностью мы сами вовлечены в социальное производство химер. На реплику ребенка в отношении гостя: «почему дядя так много ест?» – мы не станем реагировать так же, как жители сказочного королевства. Мы не скажем: «братец, ты и в самом деле что-то разошелся!». Напротив, внушив ребенку первое правило вежливости, состоящее в том, что *не все, что на уме, должно быть на языке*, мы дадим ему очередной урок обмана.

Но вежливость не только форма обмана. Она есть, прежде всего, форма самообмана, ибо трудно быть вежливым, постоянно удерживая в зоне оптической видимости прожорливость гостя. Вежливость требует привычки закрывать на что-то глаза. Без нее не обойтись, к примеру, в ситуации «на пляже». Двусмысленность последней состоит в том, что именно здесь особенно бросается в глаза то, что под одеждой все голые. Это обстоятельство требует от отдыхающих быть особенно вежливыми по отношению друг к другу. Вежливость же заключается в том, что все делают вид, что не замечают едва прикрытой наготы. Сначала лишь делают вид и в этом смысле обманывают друг друга, но затем «перестают» замечать, впадая в самообман. В таких ситуациях только сумасшедший может воскликнуть: «Посмотрите, какой позор, под одеждой она совершенно голая!» [10].

На основании сказанного можно прийти к выводу, что самообман не является ни преднамеренной ложью самому себе, ни действием бессознательного вытеснения, ни пресловутым «бегством от себя». Он есть инициированная самим сознанием фрагментация сознания, искусственное замутнение прозрачных для него сфер, но не в смысле *вытеснения*, а в смысле *осознанного перемещения из зоны оптической прозрачности в зону невидимого*. Это вовсе не означает, что оппозиция *видимое-невидимое* имеет жесткий характер. На основе такой оппозиции легче было бы описать обман, который предполагает дуализм *своего* сознания и сознания *другого*. В случае же самообмана мы имеем дело с весьма сложным строением оптической среды. А, как известно из оптики, оптические свойства разных сред характеризуются различной плотностью,

так что между зонами абсолютной невидимости и абсолютной прозрачности существует множество слоев с различной степенью зримости. Способность перемещать свой взор в эти зоны и будет способностью к самообману. Такая инициированная самим сознанием фрагментация опыта и замутнение выделенных фрагментов есть защитная функция сознания, связанная с неспособностью все время находиться при истине, гореть в полный накал, стоять на краю – в «неудобной позе». В жизни всегда есть моменты непосредственного контакта с истиной и всегда есть место аскетическому подвигу стояния на большом пальце левой ноги. Но в социальном плане такая жизнь вряд ли возможна – легко «отстоять» ногу. Как иронично по этому поводу выразился А. Секацкий, общество, в котором не реализована интенция лжи, превращается в сплошную «отсиженную ногу» [3. С.89].

Что касается истины самообмана, то она, как нам думается, заключена в том, что самообман позволяет вынести *ужас реального*. Он не просто бегство, как думал Сартр. Его секрет – в переключении внимания, которое делает возможным позитивное действие в ситуациях столкновения с разрушительными «откровениями» мира. Самообман позволяет выводить из поля зрения свидетельства нашего позора, блокировать в памяти картины чьих-то неудач и собственного грехопадения, начинать все заново, «как если бы не было мальчика». Поэтому существо самообмана – в *откладывании*. Если сущностью обмана является *искажение*, то сущностью самообмана, по всей видимости, является *задержка истины*. Это вовсе не означает, что его функция в каждом случае аналогична воздействию фармакона. Представление о самообмане как о средстве фармакологической защиты и «бегства от реальности» само по себе является одним из следствий господства в европейской культуре установки, которую Бодрийяр гиперболизировал как «маниакальную одержимость реальным» [11. С.82]. В системе представлений, где мир и отношение к нему подчинены стратегии «наращивания измерений зримости» (Ж. Бодрийяр), самообман оказывается не чем иным, как спутником наивного, инфантильного и недальновидного сознания. Его мотив неизменно ассоциируется с поведением страуса, прячущего голову в песок, или действием ребенка, пытающегося играть в прятки путем замуривания глаз. Пресловутое же определение самообмана в качестве «бегства от реальности» видит в нем лишь глупость и не находит его *лукавства*. Между тем ясно, что самообман – это не феномен «простодушного» или «детского» сознания. Это феномен изощренного, или как сказали бы в старину, *пестроумного* (то есть лукавого) сознания, – сознания-различения, способного видеть и находить повсюду сложность и разнообразие (*пестроту*) мира. (В древнерусском слове «пестрота», «пестрый», «пестротный», помимо значения сложного *цветового вкрапления* (рисунка, узора, орнамента и т.п.) имели значение *разнообразия, хитрости и лукавства* [12]).

Как сознание, обработанное лукавством, как хитрое самосознание, самообман не ищет *простой* истины бытия, которой он стремится избежать. Напротив, он ориентирован на ее усложнение через откладывание, которое присутствует в игре самообольщения и соблазна. Внутри этой стратегии он подчинен не оппозиции обманутый–обманщик, а описанной Бодрийяром «дуально-дуэльной» структуре отношений, где не известно, *кто ведет*, и где обманываемый и обманщик меняются местами. «А вот возьму и обману сам себя!» – «а вот и не обманешь!».

Конечно, так же как и обман, самообман имеет внутри себя различные градации, имеет свои «высокие» и «низкие» формы. Он может быть и даже чаще всего бывает трусливым бегством от реальности. Но ему же свойственна и особая мудрость, слышимая в словах Скарлетт: «я не буду думать об этом сегодня, я подумаю об этом завтра». Так или иначе, но в числе человеческих способностей, достойных того, чтобы быть

предметом особого внимания и даже «критики способности быть» [13], должно быть найдено место и для самообмана, ибо способность к последнему (при условии правильной дозировки) может способствовать возобновлению многих других способностей человека.

### ***Библиографический список***

1. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad marginem, 1997.
2. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999.
3. Секацкий А.К. Онтология лжи. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
4. Секацкий А.К. Декарт в системе координат европейской метафизики // Метафизические исследования. Вып. 14: Статус иного. СПб., 2000. С.24-45.
5. Гегель Г.В.Ф. Феноменология Духа. СПб.: Наука, 1992.
6. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 2002.
7. См.: Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995.
8. Такое парадоксальное забывание посредством припоминания является ключевым элементом в технике психоанализа.
9. Тарт Ч. Измененные состояния сознания. – М.: Эксмо, 2003.
10. Шутка А.Алле, пересказанная С.Жижеком. См.: Жижек С. Указ. соч. С.63.
11. Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000.
12. О проекте такой критики см.: Конев В.А. Критика способности быть (семинары по «Бытию и времени» Мартина Хайдеггера). Самара: Изд-во СамГУ, 2000.

***J.Razinov***

## **ON THE POSSIBILITY OF SELF-DECEPTIONS**

This article is devoted to the study of the nature of self-deception and a number of paradoxes arising from its explanation. The notion of self-deception is given on the basis of critical analysis of its definitions as a) an act of aforethought lie b) an action of unconscious displacement (*Verdrängung*) c) an existential project «escape from yourself». Self-deception is interpreted as a particular manipulation in the sphere of consciousness connected with its division into fragments and concealment of evidence of radical failure aiming at renewal of positive action. This interpretation enables you to describe self-deception as one of the cultural faculties of a man.